

Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: Ист. анекдоты из провинц. жизни XVIII в. М., 2006.

Корепанов Н. С. Уральское горное управление в XVIII — начале XX в.: исторический опыт // Урал. ист. вестн. (Регион. развитие России). Екатеринбург, 1996. № 3. С. 215—229.

Корепанов С. Н. В раннем Екатеринбурге (1723—1781). Екатеринбург, 2001.

Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004.

Кошелева О. Е. Подьячий в интерьере Петербурга петровского времени // Диалог со временем: Альм. интеллектуал. истории. Вып. 7. М., 2001.

Пензин Э. А. Сибирский обербергамт — орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой половине XVIII века // Пробл. генезиса капитализма на Урале: История, историография, источниковедение: Сб. науч. тр. Свердловск, 1986.

Пузанов В. Д. Военно-административная система России в южном Зауралье (конец XVI — начало XIX в.) // История Курганской области. Т. 7. Курган, 2002.

Редин Д. А. Административный статус уральских дистриктов конца первой четверти XVIII века: (Предварит. наблюдения) // Пробл. истории России. Вып. 5. На перекрестках эпох и традиций. Екатеринбург, 2003. С. 272—289.

Редин Д. А. Вторая областная реформа Петра Великого и становление уральской горнозаводской администрации // Изв. Урал. гос. ун-та. 2004. № 31. Сер. Гуманитар. науки. Вып. 7. С. 45—58.

Редин Д. А. Местные учреждения петровского времени как проводники и исполнители законодательства (опыт изучения канцелярского регистра 1720-х гг.) // Пробл. истории России. Вып. 6. От Средневековья к современности. Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2005. С. 138—152.

Серов Д. О. Забытое учреждение Петра Великого: Вышний суд // Рос. самодержавие и бюрократия: Сб. ст. в честь Н. Ф. Демидовой / Отв. ред. А. А. Преображенский. М.; Новосибирск, 2000.

Серов Д. О. Надворный суд в судебной системе России (1719—1727) // Журн. рос. права. 2004. № 12. С. 132—138.

Татищев В. Н. Записки и письма. М., 1991.

Феноменов М. Я. Углицкая провинция при Петре Великом: Быт. очерки. М., 1923.

Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999.

Peterson, Claes. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Stockholm, 1979.

Статья поступила в редакцию 19.09.2006.

Д. В. Бугров

СУДЬБА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНТЕКСТЕ УТОПИЧЕСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА КНЯЗЯ М. М. ЩЕРБАТОВА

Князь Щербатов предстает в статье как автор целой утопической системы, в своем сочинении разворачивающий программу преобразований в области государственного устройства и управления, социальной политики. Щербатовская Офирия — это не только высказанное в художественной форме суждение относительно идеального государства, но и тщательно сконструированная модель, функционирующая в реалистических обстоятельствах.

В 1783 г. Россия потеряла одного из самых заметных и авторитетных деятелей Екатерининской эпохи — умер Н. И. Панин, участник переворота 1762 г., глава Коллегии иностранных дел, оказывавший непосредственное влияние на развитие

внутренней и внешней государственной политики и разделявший идею легитимной монархии.

Смерть оборвала работу Н. И. Панина над «Рассуждением о непременных государственных законах». Это своего рода политическое завещание, переданное его секретарем Д. И. Фонвизиным брату умершего П. И. Панину, считается предисловием к утраченному проекту конституции. В деспотическом государстве, писалось в завещании, «где люди составляют собственность людей» и все сословия бесправны, наиболее бесправен «мужик, одним человеческим видом от скота отличающийся». Здесь «нет фундаментальных законов, ибо верховное правление есть бездушная машина, движимая произволом Государя». Единственной возможностью «прекратить злоупотребление самовластьем» является введение «фундаментальных», единых для всех законов. К сожалению, не сохранилось прилагавшееся к «Рассуждению» «особливое начертание» с изложением того, какими конкретно должны быть эти законы согласно взглядам Н. И. Панина [см.: Вдовина, 1995, 139—142]. Очевидна близость взглядов Н. И. Панина и идей об «истинной монархии» Ш.-Л. Монтескье, который полагал, что в монархическом государстве должны существовать «фундаментальные» законы, не изменяемые никакой властью, и учреждения, которые гарантируют их неизменность [см.: Монтескье, 1956, 175—177].

Появление подобного сочинения от лица высшего сановника государства свидетельствовало об осознании необходимости серьезных преобразований в среде просвещенного дворянства, мыслившего государственными категориями. Симптоматично, что следующий после смерти Н. И. Панина год — 1784-й — выдался «урожайным» на социально-утопические произведения известных в уже сложившемся просветительском кругу авторов. Именно тогда увидело свет «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» В. А. Левшина (1746—1826), который сотрудничал с Н. И. Новиковым и вошел в историю русской общественной мысли как автор и переводчик. Литературно-утопический проект Левшина рисовал процветающее общество на Луне, руководимое мудрыми старейшинами по обычаям предков [см.: Левшин, 1977, 71—90].

В этом же году решил испробовать себя в аналогичном жанре и князь М. М. Щербатов (1733—1790). Сын архангельского губернатора, потомок Рюрика (чем он немало гордился), он был выдающимся общественным деятелем, публицистом, занимался историей и экономикой. Основным его трудом была вышедшая с 1770 г. 7-томная «История Российская», работу над которой оборвала смерть. Однако опубликовать при жизни М. М. Щербатов сумел лишь немногие свои сочинения. После кончины автора власти попытались приобрести его библиотеку и преуспели в этом, однако предвидевший такое развитие событий князь перед смертью определил ряд бумаг, которые семье надлежало скрыть. Его публицистическое наследие в руки властей не попало и продолжало храниться в семейном архиве. До публикаций в 1850-е гг. некоторых бумаг Щербатова, в частности издания в 1858 г. А. И. Герценом памфлета «О повреждении нравов в России», эта сторона деятельности князя за редкими исключениями оставалась неизвестной.

Если публицистика и воспоминания Щербатова являлись *terra incognita* для отечественной общественной мысли до 1850-х гг., то незаконченный утопический роман, написанный в 1784 г. («Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина»), ожидал встречи с читателем еще дольше. Он был опубликован лишь через 112 лет после создания — в 1896 г. [Щербатов, 1896, 749—1060]. В XX в. фрагменты романа издавались дважды [см.: Щербатов, 1977, 22—68; 1986, 37—79]¹. Публикация сочинений Щербатова вызвала их активное обсуждение в историко-филологической критике, причем разброс мнений о взглядах автора оказался достаточно широк. Это вынуждает более подробно остановиться на изложении текстов писателя и оценке его взглядов.

«Путешествие» тесно связано с остальным массивом памфлетов, мемуаров и рассуждений Щербатова, образующим единый комплекс сочинений, подвергающих общественный строй современной князю России жестокой критике. В противовес обличаемому реальному порядку Щербатов рисует в утопии позитивный идеал государственного устройства. Для того чтобы отнести сочинение к у т о п и и, следует обозначить два момента: 1) искренность и 2) сюжетность повествования, что позволяет отделить утопию от фантазии, с одной стороны, и от политического трактата — с другой. Искренность Щербатова легко подтвердить, сверяясь с его обширным публицистическим наследием, сюжетность же «Офирии» налицо.

Сюжет достаточно традиционен для подобных сочинений.

... Чуть было не погибшие в студеных антарктических водах моряки с корабля под многозначительным названием «Надежда» неожиданно открывают цветущую приполярную страну — Офирскую империю. Щербатов описывает могущественную державу, гербом которой служит сосновая шишка, а в названиях неявно, но все же угадываются российские топонимы: *Перегаб* (Петербург), *Квамо* (Москва), *Вариаж* (Воронеж), *Евки* (Киев), *Облот* (Тобольск) и, конечно же, горно-заводской *Ефонбиаг* (Екатеринбург) [см.: 1977, 35; 1986, 47].

И с т о р и я О ф и р и и — слепок с российской Петровской (и послепетровской) эпохи. С северо-запада с Офирией граничат некогда воинственные дысвы (шведы), у которых могучий царь Перега отобрал болотистые приморские земли, где построил свою столицу Перегаб. Впоследствии преемники Переги отъехали обратно в старую столицу — Квамо. На то было целых 7 причин. Кроме близости границ к столице, неудачное местонахождение привело к потере знания «о внутренних обстоятельствах», утрате народной любви к государю, незнанию вельможами своего хозяйства и тягот народа, который «налогами стали угнетать»; равнодушию к «воплю народному» и забвению благородных примеров предков, подме-

¹ В интересах обеспечения максимальной доступности для встречной критики и приглашения представителей научного сообщества к продуктивной дискуссии автор настоящего исследования полагает наиболее корректным цитирование утопии М. М. Щербатова, насколько это возможно, по публикациям XX в., ссылаясь далее на год и страницы цитируемого издания.

не заботы об «общем благе» привязанностью ко двору [1977, 49—50; 1986, 51—52]. В завещании последнего государя Офирии Сабаколы воспроизведен решительный тон петровских указов: «Ясно мною усмотрено, что пребывание офирских государей во граде Перегабе есть вредно всему государству; жалея потерянных трудов и надвлияния, а паче имея нужду в сем граде для морского пристанища, не должно без призрения его покидать» [1977, 49—50; 1986, 51—52].

Общественный строй Офирии — монархия, но не тирания. Власть императора основывается не на «своевластных хотениях», а на принципе государственной пользы, на разуме: «Не народ для царей, но цари для народа, ибо прежде, нежели цари, был народ... Царь должен сам первый законам страны повиноваться, ибо по законам он и царь, а разрушая их власть, разрушает и повиновение подданных себе» [1896, 979—980; 1977, 64]. При императоре имеется совет представителей высшей аристократии. Императорская власть далека от самовластного произвола: «Власть монарша не соделывает города, но физическое или политическое положение мест, или особливые обстоятельства» [1977, 51; 1986, 53].

Говоря о военном устройстве, Щербатов, озабоченный уровнем профессионализма в армии, обосновывает необходимость военных поселений, к идее организации которых Россия придет гораздо позднее: «есть двоякие войска, единые неподвижные войска в гарнизонах, а другие полевые». Гарнизоны когда-то формировались из ветеранов, а впоследствии стали «детьми их комплектоваться». Эти ветеранские дети непосредственно не являются солдатами, но обязаны готовить себя к гарнизонной службе: носить «одинаковые, особливые» платья, обучаться стрельбе, а после достижения «совершенного возраста» дважды в год проходить военные сборы в лагере, «где их всем военным обращениям обучают». Кроме того, Щербатов видел необходимость в школьном воспитании будущих солдат и их обучении ремеслам. Именно такой подход, по его мнению, готовит верных, умелых и храбрых воинов, не способных на измену и предательство, готовых не только сражаться с внешним врагом, но и умирять внутренние беспорядки. Все города Офирии укреплены, чтобы враг, прорвавший линию приграничных крепостей, и в глубине страны натолкнулся бы на сопротивление, а также и затем, что «хотя уже тому тысяча пятьсот лет миновало, как в Офирской империи ни малейшего бунта и междоусобия, а что в естестве не невозможно... ежели нет внутри укрепленных градов, каждое возмущение гибелью государству может угрожать» [1986, 59, 61—63].

Подробно Щербатов знакомит читателя с уголовным правом Офирии, вводя в сюжет эпизод пьяной драки, в которой матросы убили одного из офирцев. Сами же офирцы не знают алкоголя: «Судьи изъявляли свое удивление о сем их состоянии... с удивлением, однако, спрашивая, зачем мы имеем толь ядовитые вещи?». Зачинщик драки был осужден справедливым офирским судом. Но когда г-н С. и его спутники отчаялись уже без команды вернуться домой, судьи скорректировали приговор, и матросы были освобождены. Интересна сама смягчающая формулировка: «Драка сия произошла... от повреждения разума сих виновных, происшедшего от пития некоего их страны напитка. Достойны бы наказания были

и офицеры, что, имея на корабле своем толь ядовитую вещь, ее не охраняли; но как... она у них свободна каждому пить, сколько кто хочет, и, сказывают, яко бы здоровье приносила... то в сем они не виноваты, но винен дурной обычай их страны... а сего ради сие им прощается» [1977, 38—39, 43—44].

В дальнейшем Щербатов подробно описывает организацию судебного процесса, который по любому делу ведется открыто; в каждой судейской палате на лавках сидят «любопытные слушатели», всякий из которых имеет право выступить в роли защитника обвиняемого — только защитника, но не обвинителя! — «ибо жизнь человеческая есть столь драгоценна, что не можно отнять ни у какого гражданина права стараться спасти ее ближнему своему. И многажды случалось, что не токмо мужа, но и самые юные жены подавали таковые советы, которые спасали подвергающихся к жестокому осуждению или по крайней мере облегчали судьбу их» [1986, 72]. При этом растет авторитет суда, а с ним и авторитет закона: все жители имеют возможность хорошо ознакомиться с судопроизводством, отсюда — профилактика преступлений, организуемая как бы сама собою. Фактически Щербатов обосновывает идею института общественной защиты и отчасти суда присяжных.

Высшее правительство состоит из пяти судебных департаментов: 1) по уголовным делам, 2) по делам «воспитания народного, прав и благочиния», 3) по делам государственного имущества и торговли, а также домостроительства, 4) по поместным делам, 5) по военным делам и снабжению войск. Во главе каждого департамента — председатель, а заседают в департаменте шесть судей, назначенных императором из «четырех первых степеней», и девять земских судей — выборных представителей от губерний [1986, 75]. Каждая из пятнадцати губерний также имеет право направить в центральные департаменты пять дворянских депутатов и одного «мещанского»; но, «что касается до мещанских депутатов, оные имеют заседания в третьем департаменте и во всех торговых делах имеют свой голос, для охранения, чтобы какого вредного положения в рассуждении обще всего государства или в единой губернии учинено не было» [1896, 1053]. При каждом департаменте за судьями наблюдает так называемый «законник», который следит за соблюдением законов и может обжаловать решение суда перед императором. Если императорский совет пересмотрит постановление суда, судьи платят штраф. Если же ошибается «законник-наблюдатель», штраф в казну платит он [1986, 74].

Детально разобрана деятельность полиции, которая неуспешно печется о здоровье и безопасности жителей, об их спокойствии (например, об освещении улиц). Население охотно сотрудничает с полицией: от каждой улицы в помощь охранникам порядка выделяется по четыре человека еженедельно (некий прообраз народной дружины). Заботясь о здоровье населения, приставы бдительно следят за качеством товаров. Недобросовестным продавцам грозит наказание «трибунала о здравии народном учрежденного» [1977, 52].

Религия Офири — разновидность деизма, «чего и надо было ожидать от просвещенного вольтерьянца», как отмечает В. В. Святловский [Святловский, 1922, 18]. Служители культа являются одновременно и полицией, а храмы выпол-

няют роль образовательных учреждений. Автор подчеркивает всеобщность и обязательность начального образования: «Каждый поселянский сын, достигший до пяти лет, должен во всякую неделю ходить в сие училище по три дня на целый день в зимние месяцы». Училищам отводится воспитательная роль. В городах действуют и платные училища, для мещан и для дворян с расширенной образовательной программой. Женщины — как в селах, так и в городах — тоже охвачены образованием. Однако можно обучать детей дома или заводить частные школы, но при контроле за уровнем обучения. «У нас не полагается на самопроизволение учителя, какую методу в преподавании наук преподавать, но каждый должен следовать той, что одобрена ученейшими людьми государства и предписана училищам» [1986, 66, 69]. Как видим, для Щербатова идеалом было всеобщее просвещение под контролем государства.

Мимо внимания Щербатова не проходит ни административное устройство империи (15 губерний), ни ее бюджет, причем Щербатов предлагает учитывать систему параметров исходя из взаимосвязи населенности, территориальной протяженности и «умоначертания» народов («яко губерния офироманская, где у нас народ особливо тихого расположения... в ней менее беспокойств и преступлений содевается»). Губернаторы управляют провинциями, располагая гражданской властью, тогда как пограничными провинциями руководят облеченные одновременно и военными полномочиями генерал-губернаторы. Местное управление рассредоточено по сельской территории, чтобы избежать ненавистного офирцам привлечения населения в города. Государственный бюджет формируется с учетом характера провинций: «неплодородные где земли, где нет промыслов, отдаление от столичных и торговых городов и пр., там могут ли жители только много платить, как тут, где все сии удобства есть?» [1977, 59—61]

Как историк князь не мог не порадоваться за состояние архивной службы в Офирии, по материалам которых восстанавливается истинная картина собственных прав: «такое главное место, или деревня, или земляца в таком году, по такому праву перешла, такая земляца была между многих разделена, и сие каждый переход в особливо графе записан» [1986, 70].

Верховное правительство состоит из «постоянно присутствующих» и «присутствующих, когда нужда востребует или когда хотят» высших чиновников. Первый среди призванных помогать императору высших сановников — «хранитель законов»; затем идут «остерегатель государства», ведающий иностранными делами; «казначей государственный»; «всеpravитель» по военным делам; «мореначальник»; «наставник детей императорских» (если его нет — то «надзиратель наук или председатель академии»). Требования к избранным членам правительства детальные и лаконичны: возраст не менее 35 лет, семейное благополучие, компетентность, непорочность, стаж службы не менее 17 лет (и, конечно же, принадлежность к «четырем первым степеням»). Таким образом, судьи являются представителями благородного дворянства, только в 3-м департаменте, «где рассуждают о делах торговых», заседают еще и выборные от купечества. А поскольку участие купцов в судебных делах может нанести вред их основному занятию — ком-

мерции, «позволено им и мещан разумных и знающих торг и обстоятельства тех мест, где они жительство имеют, выбирать; также и из всех живущих там и ученых людей, лишь бы сии были тамошние жители, за что они и плату от купечества получают» [1896, 1055; 1986, 76—78].

Каждая административная единица (город) «имеет два правительства»: 1) государственное, которое состоит из лиц, назначаемых императором, и разбирает «токмо дела уголовные и дела учреждений и доходов»; 2) гражданское, в него входят три выборных судьи, занимающихся рассмотрением земских дел; «в случае несогласия сих последних оба сии судебные места чинят общее заседание». Сложная вертикальная система местных судов в конечном счете направляет наилучших, избранных из своих рядов в «высшее правительство». Дела решаются двумя третями судейских голосов. Примечательно, что в случае прений по вопросу о решении дела в департаментах высшего правительства соответствующий закон передается на рассмотрение многочисленных коллегияльных инстанций, вплоть до баллотировки всеми губерниями; по вопросу о смертной казни в таком рассмотрении действует право вето [1986, 75, 78—79].

Эпизод приема у монарха дает автору возможность подробно остановиться на описании быта государя и отношения подданных. Ни экипаж, ни дворец «ничего особенного не имел». Императора не охраняют: «Государь должен быть храним... любовью народною; если же сего не будет, то никакая стража спасти Государя не может». Государь готов постоянно общаться с подданными: пять дней в неделю к его столу приглашаются представители всех степеней (сословий), причем низшие степени представлены в большем количестве, но поочередно. В публичных собраниях император предпочитает говорить с нижними чинами, иначе «слеп бы он был... и должен бы был во всем полагаться на тех, которые его окружают». Офирцы даже не считают нужным оказывать своему императору публичные знаки внимания, ведь такие знаки «могли бы неким Государям вложить мысли гордости и предубеждения, якобы они весьма любимы народом, что может вредные следствия произвести» [1977, 63, 65—68].

Над всеми тщательно описанными институтами, учреждениями и обычаями Офирии безраздельно царит «дух добродетели» и терпения. В первую очередь это относится к правительству. В уста «почтенного старца» Агибе автор вкладывает подлинное кредо Офирии: «Самое есть правило земли Офирской — терпеть охуления на правительство, их собирать и по сему стараться делать исправления... как со временем я могу узнать, хотя законы офирские и деланы с наивеличайшими осторожностями, но не может ли случиться, что кто еще в сем найдет пороки или полезнейшее изобретет...».

Добродетель связана с ненавистью к роскоши. Во время посещения фаянсовой фабрики путешественники наблюдают изготовление добротной посуды, однако «в обработке, ни в образе сосудов, ни в живописи или резьбе» не было особого совершенства. По объяснению офирцев изготовители стараются только о «доброте вещества», а «истощение искусства знатных художеств может учинить дороговизну посуды и произвести роскошь, а фаянс не на то делается,

чтобы роскошь умножать, но чтобы дать нужные для спокойствия и удовольствия жизни человеческие сосуды» [1977, 38, 58; 1986, 45, 58].

Утопию Щербатова можно охарактеризовать как сочинение, выдержанное в духе «дворянского корпоративизма», да к тому же еще и с элементами пуританизма. Сам Щербатов так суммировал положительные черты своей утопии: «Но если чем она достойна примечания — сие есть: мудрым учрежденным правлением, в коем власть государская соображается с пользою народною, вельможи имеют право со всею приличною смелостию мысли свои монарху представлять, ласкательство прогнано от царского дворца, и истина имеет во оный невозбранный вход; в коем законы соделаны общим народным согласием и еще беспрестанным наблюдением и исправлением в лучшее состояние приходит; правительств немного и немногочисленно, но (и) дел мало, ибо внушенная из детства в каждого добродетель и зачатия их не допускает; в коем вельможи не пышные, не сластолюбивые, искусные, трудолюбивые, похвальное честолюбие имеют сделать счастливыми подчиненных им людей; остаток же народа, трудолюбивый и добродетельный, чтит, во-первых, добродетель, потом закон» [1896, 751—752].

Офирский утопический проект, как мы уже отмечали в специальном исследовании [см.: Бугров, 2006], представляет собой не столько «зеркало», сколько своеобразную «призму», сквозь которую преломляются реалии современной Щербатову России. Волею авторского воображения она причудливо трансформируется в Офирию. К географической, топонимической, хронологической «зеркальности» России и Офирии добавляется и «зеркальность» социально-политическая: «плохая» Россия конца XVIII в. преломляется в идеальную Россию будущего.

В 1858 г. А. И. Герцен в Лондоне издал куда более известный, чем «Путешествие в землю Офирскую...», памфлет М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России» (под одной обложкой с «Путешествием из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева). Памфлет Щербатова, полный резких выпадов против Екатерины II и всего петербургского периода российской истории, несомненно навеянный историческими изысканиями князя, важен для выяснения истоков и характера утопизма Щербатова, его идейной связи с позднейшими общественными течениями.

Щербатов полагает, что приход Просвещения в Россию в силу ряда обстоятельств сопровождался уродливым «повреждением нравов». Он противопоставляет «старую» и «новую» Россию в моральном плане: «нужная, но, может быть, излишняя перемена Петром Великим» старых нравов повлекла за собой возрастание «сластолюбия». «Сластолюбие» — вот, по мнению князя, причина бед, истребления всех благих нравов, «грозящего падением государству». Недаром «не в роскоши и сластолюбии издыхающая римская вольность обрела себе защищение, но в строгости нравов и в умеренности». За несколько наивным описанием допетровского быта царей и цариц (следует, однако, помнить: это писал один из первых отечественных историков-специалистов, имевший доступ к обширнейшим материалам!): «не только подданные но и самые государи наши жизнь вели весь-

ма простую», — следует анализ петровского правления [см.: О повреждении нравов, 1983, 4—5, 16].

Отмечая в выводах несомненную пользу, принесенную России «трудами и попечением» Петра, Щербатов утверждает, что исчезает «искренняя привязанность к вере», лезть, роскошь и сластолюбие овладели людьми, приведя к корыстолюбию и разрушению законов «ко вреду граждан» [Там же, 30]. Хотя сам Петр был неподвластен «сластолюбию», введенные им перемены в образе жизни — ассамблеи, открытый стол (главнейший объект нападков Щербатова) — влекли за собой разорение аристократии: «Начали люди наиболее привязываться к Государю и вельможам, яко к источникам богатства и награждений». Далее следует важнейшее примечание: «Грубость нравов уменьшилась, но оставленное ею место лезть и самством [эгоизмом] наполнилось; оттуда произошло раболепство, презрение истины, обольщение Государя и прочия зла, которые днесь царствуют, и которыя в домах вельможей возгнездились». Если Петр Великий, по мнению Щербатова, еще ощущал угрозу и противился лести, то его наследники все глубже опускались в пучину разврата и «сластолюбия». Кроме «сластолюбия», вред нравам и добродетели причинили и новые учреждения.

Щербатов болезненно переживает разрушение субординации в связи с родовой знатностью, «ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги», вплоть до того, что иногда «холопы» оказывались начальниками-офицерами своих же господ! [Там же, 21—23, 25, 27].

Затем Щербатов переходит к вопросам религии, отделяя ее от суеверий: «Похвально есть, что Петр Великий хотел истребить суеверие в законе, ибо в самом деле не почтение есть Богу и закону суеверие, но паче ругание». Мероприятия Петра Великого, выдержанные в духе протестантизма (бритье бород, противодействия ложным чудесам и т. п.), с точки зрения Щербатова, п о х в а л ь н ы . Однако за этим следует вопрос: «Но когда он сие учинил? Когда народ был еще не просвещен, и тако, отнимая суеверие у непросвещенного народа, он самую веру к Божественному закону отнимал». Петр же уподобляется «неискусному садовнику» [Там же, 28, 29].

С 1850-х гг., по мере того как социальные воззрения М. М. Щербатова становились доступными читающей аудитории, вокруг них развернулась полемика. С. В. Ешевский, видный западник, профессор Московского университета, фрагментарно воспроизведя памфлет Щербатова на страницах журнала «Атеней», охарактеризовал князя как сторонника «аристократического принципа» в шведском или английском варианте его реализации [см.: Ешевский, 1858, 143].

В знаменитом «Предисловии Искандера» — вступительном слове А. И. Герцена, предварявшем издание 1858 г., Щербатов охарактеризован как с л а в я н о - ф и л . Герцен, проводя интереснейшую параллель воззрений Щербатова и английских пуритан, пишет: «при всей утомительной суровости своей пуританские нравы представляли во всей энергии многие стороны англо-саксонского характера; на эти времена и теперь Англичанин обращается с гордостью. Допетровская русская жизнь не представляет такого прошедшего, она была похожа на большой

сонный пруд, покрытый тиной; сверху донизу все дремало в этом затишьи, в котором складывалось, оседало государство. Не приходя в себя, безличные поколения сменялись как листья на дереве, жили тесно, связанные тяжелыми, периодически обрядами. Покой и отрицательная простота этой жизни не завидны. В природе все неразвитое тихо и покойно». В приведенных строках Герцен дал характеристику консерватизма с точки зрения убежденного противника этого направления общественной мысли, отождествляя его с непросвещенностью и отсталостью.

С выходом в 1896 г. двухтомного собрания сочинений М. М. Щербатова полемика вышла на новый уровень: общественное мнение познакомилось с одной из первых русских утопий, точнее говоря, с «наиболее детальным в русской литературе описанием идеального общества» [Геллер, 2003, 75]. А. Н. Пыпин, один из первых исследователей утопии Щербатова, отмечал: «Сущность офирского государственного устройства была та же, что в России», но существовало два главных различия: «во-первых, отсутствие духовенства как сословия или отдельной касты, взамен чего было религиозно-нравственное поучение народа выборными добродетельными людьми и замена дорого стоящего и оторванного от народа войска военными поселениями, но великая внутренняя разница состояла в господстве добродетели» (здесь и далее разрядка моя. — Д. Б.) [Пыпин, 1896, 303—304].

Одной из наиболее значительных попыток осмысления вновь открытого материала явилась статья В. А. Мякотина, в которой автор указывает, что мировоззрение Щербатова стало «соединением политического свободомыслия с узкословным эгоизмом», «уроков западно-европейской теории с впечатлениями русской действительности». Тем самым был сформулирован важнейший для исследования щербатовской «Офирии» тезис о двойственности взглядов Щербатова.

Абсурдно было бы упрекать замечательного публициста, историка, образованнейшего человека XVIII в. в ретроградстве. Поэтому «узкословный эгоизм» отделялся от «политического свободомыслия», а последнее трактовалось как один из истоков отечественного либерализма. Программа Щербатова «могла бы быть подведена под понятие умеренного либерализма, свидетельствуя о совершившемся подъеме общественного самосознания» [Мякотин, 1906, 144, 165]. Отступления Щербатова от западно-европейской просвещенческой мысли объяснялись Мякотиным «неподготовленностью» автора «Офирии» к восприятию некоторых идей французских просветителей, и прежде всего Монтескье.

Эти оценки были восприняты целым рядом публицистов. Так, Н. Д. Чечулин посвятил статью анализу связей утопии Щербатова с зарубежными образцами [см.: Чечулин, 1900, 115—166]. А. Н. Пыпин так охарактеризовал Щербатова: «С одной стороны — консерватор, любитель простой благочестивой старины; с другой — человек французского образования и до известной степени свободомыслящий человек» [Пыпин, 1896, 268]. Наконец, А. А. Кизеветтер анализировал утопию Щербатова сквозь призму государственной исторической школы: «В сущности, перед нами довольно тривиальная картина полицейского государства». Для либерально настроенного Кизеветтера «дворянская привилегия... явилась времен-

ным переходным звеном от закрепощенного режима... к установлению общегражданского режима», следовательно, утопия Щербатова для него — провозвестник грядущего правового общества [см.: Кизеветтер, 1912, 39, 54].

М. А. Дьяконов пытался разрешить противоречие, полагая, что Щербатов защищал моральный идеал, не существовавший в современной ему реальности; сверхзадача Щербатова, по мнению Дьяконова, — ограничение самодержавия, но не подчинение его дворянству, а введение монархии в строгие правовые рамки. Небесспорный вывод таков: «Его [Щербатова] чуткость, искренность... служат порукою, что он был в состоянии отказаться от тех своих выводов, которые не оправдались бы при ближайшем ознакомлении с нуждами и интересами государства» [Дьяконов, 1904, 26]. П. Н. Милюков в соответствующем разделе «Очерков по истории русской культуры» отмечал, что Щербатов, «при всех своих консервативных тенденциях, слишком либерален» для екатерининского режима [Милюков, 1995, 429].

Раннее — и до сих пор остающееся фундаментальным — исследование В. В. Святловского в основном было посвящено анализу утопии Щербатова: «Изменяя основному построению каждой утопии — полярности действительности, утопия кн. М. М. Щербатова не изображала что-либо противоположное существовавшему в его дни в России строю — республиканской или коммунистической организации. Это, казалось бы, могло быть так естественно в дни Великой французской революции...». Разумеется, Щербатов «совсем забывает идеи демократии и эгалитаризма... и дает повторение наследственной монархии со строго сословной организацией». Вывод В. В. Святловского осуждающе печален: «Экономическая близорукость и финансовая наивность Щербатова — феноменальны» [Святловский, 1922, 18, 23].

Последующая советская историография снимала противоречие во взглядах Щербатова обратным путем: провозглашался примат его сословных взглядов над политическим либерализмом [см., например: Любомиров, 1935; Федосов, 1946]; все соображения автора «Офирии» рассматривались под этим углом, приводя к парадоксальным выводам, что «земля Офирская является по существу воспроизведением екатерининской действительности, с той разницей, что полицейский гнет доведен здесь до апогея, а дворянство является тем классом, которому полностью подчинено государство... При всех попытках Щербатова опереться в своих суждениях на передовую общественную мысль Западной Европы, в целом мировоззрение Щербатова является феодальной реакцией на те новые условия общественной жизни, которые начали складываться в России во второй половине XVIII столетия». И как Радищев советской историографии обязан был симпатизировать именно Робеспьеру, а не Мирабо или Франклину, так и Щербатов советской историографии не мог быть человеком Просвещения, а только им казался. Основным стал тезис о том, что монархия у Щербатова ограничена с помощью «организации сословного корпуса дворянства», это, по существу, «полицейское государство, наделенное грозным орудием правительственной репрессии» [Федосов, 1967, 207, 244—245, 259]. Однако в этой суровой оценке щерба-

товского проекта не до конца учтены историко-временные параметры. Щербатов — государственный мыслитель своей эпохи, в стремлении организовать идеальное государство он заботится о благе не только дворянства. По его представлениям, именно сильное и упорядоченное государство способно дать защиту и крепкую основу для жизни всего населения.

Дискуссии о социально-политической специфике щербатовской утопии не утихают и в современной историографии. Н. М. Золотухина, анализируя политико-правовые воззрения Щербатова, перечисляет его труды, не отделяя «Путешествие в землю Офирскую...» от памфлетов и политико-правовых работ. Проекты по ограничению власти монарха здесь рассматриваются не как продукт «узкосословного эгоизма» их автора: в высшем правительстве Офирии Щербатов видит «дворянских, купеческих и мещанских депутатов». В целом справедливо подвергая критике приведенное выше мнение И. А. Федосова о намерении М. М. Щербатова ограничить монархию «организацией сословного корпуса дворянства», Н. М. Золотухина резюмирует: «Таким образом, следует признать, что депутатский корпус у него значительно расширен по сравнению с предшествующими проектами ограничения верховной власти» [Исаев, Золотухина, 1995, 184]. Это утверждение представляется спорным: прежде всего, присутствие депутатов купеческих (только в Третьем департаменте высшего правительства, ответственном за дела торговли), а также мещанских (только в виде замены купеческих представителей, т. к. «великое число купцов, определенных в судьи, может наносить вред их торговле» [Щербатов, 1986, 76]) не являлось следствием приверженности автора утопического проекта принципу всесословности. Купцы получают доступ в высшее правительство на рациональных основах — как, если угодно, технические специалисты по торговле, а ведь торговлей у Щербатова никто, кроме купцов, и не занимается.

Определенное смещение присутствует в верхних эшелонах власти в Офирии. Н. М. Золотухина пишет о высшем правительстве: «У Щербатова речь идет о судебном органе, сформированном на выборных началах и работающем профессионально, но, тем не менее, не выделенном по своему статусу из состава высшего законодательного органа страны» [Исаев, Золотухина, 1995, 184]. Несколько иначе попытался понять сочинение Щербатова И. А. Немцев. Характеризуя его взгляды как «органическое представление об обществе (органицизм)», из которого следует «необходимость сословного устройства общества, неравенства сословий», исследователь отмечает: «М. М. Щербатов стремился к дворянскому ограничению царской власти, желая, таким образом, установления дворянской аристократии» [Немцев, 1998, 15—16].

Не ставя здесь задачу анализировать и исследовать весь комплекс представлений М. М. Щербатова об ограничении монархии, сословиях и равенстве прав, заметим: ограничение монархии в Офирии вовсе не подразумевает какой-либо формы представительной демократии. Закрепленные за офирскими сословиями занятия определяют их привилегии, их права и их представительство. Именно поэтому Щербатов, мысленно ниспровергая самодержавие как режим, соединяющий все три ветви власти и злоупотребляющий ими (с этой частью теории Монтескье

он был хорошо знаком), все-таки в своем высшем правительстве не разделяет судебную и законодательную власть, а коллегиальность принятия решений и выборность большей части состава высшего правительства — это всего-навсего техническое требование, но не система сдержек и противовесов. Сословиям Щербатова не о чем спорить: их место в государственной системе определено раз и навсегда, а злоупотребить властью способен монарх или кучка аристократов, но не сословный корпус. Утверждение о сословно-дворянском характере утопии Щербатова, по моему мнению, является верным.

По этому поводу высказался и такой авторитетный исследователь, как Ю. М. Лотман: «Апологет сословных прав дворянства князь Щербатов стоял на другом (чем М. В. Ломоносов и В. К. Тредиаковский. — Д. Б.) полюсе общественной мысли. Но и для него, считавшего дворянство душой и опорой государства, монархия была единственно разумной и исторически исконной формой политического правления в России» [Лотман, 2005, 21].

В обоснование этого Ю. М. Лотман приводит цитату из примечаний М. М. Щербатова, написанных в 1792 г. по поводу полемики относительно главного труда его жизни, посвященного российской истории: «Должно заключить, что, хотя славяне и пользовались свободой, но с того времени, как Рурик утеснил вольность Новгорода и как Олег покорил Киев, введено было самодержавное правление. Государи имели чиновников, но совету учрежденного они их не составляли, а избирали только тех в совет свой, которые им угодны были, и тогда, когда была их воля» [цит. по: Там же, 2005, 21—22]. Отметим: эта цитата свидетельствует скорее о критике самодержавия, а не о восприятии монархии как наиболее разумной политической системы. Монархизм Щербатова не может осмысливаться вне сословно-дворянского и просвещенческого контекста.

Кроме того, расхожим утверждением об утопии Щербатова является мнение о ее «полицейском» характере. Это утверждал еще А. А. Кизеветтер, мнение которого приведено выше, и большинство исследователей во второй половине XX в. реципировали этот тезис либо напрямую, либо опосредованно — через В. В. Святловского: «идеал России по Щербатову — это полицейское государство, сильное, но справедливое» [Харитонов, 2002, 419]. И совсем уже зловещей выглядит Офирская империя в восприятии В. В. Штепы: «В этом романе критикуются как раз те черты Петровской эпохи, которые можно было бы назвать “утопическими” — уход на Север и основание новой столицы. А воспеваются, напротив, статичные патриархальные нравы, повсеместные военные поселения и диктаторская “вертикаль власти” — словом, некий тоталитарный синтез допетровской эпохи и петровских реформ» [Штепа, 2004, 252].

Более справедливым и исторически обоснованным представляется мнение Л. Геллера и М. Нике: «Постоянный полицейский (или священнический) надзор поддерживает механизм неравенства и подчинения личности интересам Государства. Этот механизм вызывает раздражение у большинства исследователей, что нередко приводит к недоразумениям. Строгость социального порядка и законодательства Офирии часто преувеличивается. Система социальных групп не исклю-

чает некоторой гибкости, и Щербатов приводит примеры выхода граждан за пределы своих каст. Регламентация жизни (не сильнее, чем у Кампанеллы или Кабе) не устанавливается законом, а востребована общественными нравами. Стараться быть выше своего положения безнравственно» [Геллер, 2003, 77].

И все-таки характеристика Щербатова как дворянского консерватора, выступавшего с позиций дворянской аристократии, в исторической литературе до сих пор остается основополагающей [см.: История Европы, 1994, 331]. В подобном ключе трактует суть политических институций Офирской утопии и Е. Вагеманс [1989, 107—119].

В негативно-прямолинейной характеристике взглядов Щербатова из коллективной монографии по истории русского консерватизма князь объявляется категорическим противником равенства людей, сторонником крепостничества и сильной государственной власти, оппонентом правительства справа, с позиций родового дворянства. Признавая патриотизм Щербатова и то, что «его консерватизм, нередко крайний, отнюдь не лишен развития в сторону прогресса», авторы ограничивают его интересами «господствующей прослойки». «Еще в 1784 г. он и з д а е т (!) утопический роман “Путешествие в страну Офирскую”, где можно усмотреть его идеал государства, опирающегося исключительно на дворянство, государства явно полицейского, основанного на труде подневольных производителей, самых настоящих рабов... Консервативная мораль покоилась все-таки на религиозных основаниях и на долговременных местных обычаях. Консервативный патриотизм также отдавал дань заботам не о прогрессе в первую очередь, а опять-таки доминировала установка на соблюдение традиций предков и неприятие разных заморских премудростей» [Гросул и др., 2000, 29]. Характеристика внутренне противоречива, так же как и сама фигура Щербатова, не определяемая однозначными эпитетами.

Деспотизм власти России XVIII в. для Щербатова — обратная сторона потери привилегированным классом традиционных добродетелей. Можно сказать, что в «старом строе» Щербатова очаровывает и привлекает не его «древность» как таковая, но его моральность, понимаемая (в отличие от позднейшей славянофильской духовности) в конкретных этических (как отсутствие «ласкательства», лести) и экономических (как отсутствие роскошных карет, кушаний, напитков и костюма) формулировках. Вообще, «Путешествие в землю Офирскую» лучше охарактеризовать как просвещенческую утопию дворянско-сословного характера; элементы консерватизма и либерализма актуализировались в щербатовской утопии уже позднее, сквозь призму общественно-политической борьбы в России XIX—XX вв.

Полемика о воззрениях Щербатова активизировалась в последнее время в связи с вопросом о характере политических учений русского консерватизма. Так, например, С. И. Панкратова в диссертационном исследовании, посвященном социальной утопии М. М. Щербатова, ограничивает его взгляды прокрустовым ложем отечественной религиозно-философской традиции, защищавшей свои социальные идеалы с помощью нравственных принципов и норм [см.: Панкратова, 1997].

И. А. Немцев в исследовании о славянофильском компоненте русского консерватизма безапелляционно считает Щербатова и Карамзина «отцами-основателями российского консерватизма и идейными предтечами славянофильства» [см.: Немцев, 1998, 15]. Крайне спорно и утверждение И. А. Немцева, что Карамзин отстаивал крепостное право, «в отличие от М. М. Щербатова, не по убеждению, а из боязни возможной дестабилизации обстановки страны» [Там же, 15]. В действительности, на мой взгляд, воззрения Щербатова на вопрос о крепостном праве представляются сложными, рациональными, основанными на страхе перед хаосом, сопутствующим «смешению состояний».

Библиограф Е. В. Харитонов считает Щербатова убежденным государственным, стремившимся вернуть Россию к патриархальной самобытности, где царит «диктатура добродетели» [Харитонов, 2002, 419].

Наконец, М. Д. Суслов трактует убеждения М. М. Щербатова в контексте эволюции консервативного утопизма как «традиционалистскую утопию, отличающуюся от консервативной тем, что предпочтение традиции не рефлексивируется, нет и осознания своей социально-классовой позиции». Но обращение Щербатова к форме литературной утопии, по мнению этого автора, «позволяет говорить о нем как о родоначальнике утопической тенденции в российском консерватизме (традиционализме)» [Суслов, 2003, 17—18].

Констатируя наличие во взглядах Щербатова определенного консервативного элемента, отметим: связь между Щербатовым и позднейшим консерватизмом XIX в. в е с ь м а у с л о в н а . Например, на всем протяжении своих утопических построений Щербатов ни разу не произносит слово «православие», что достаточно, чтобы отделить воззрения Щербатова от позднейшего славянофильства. А между тем консерватизм Щербатова зачастую воспринимался именно через призму консерватизма середины XIX в. (так его оценивал Герцен в своем предисловии 1858 г.). Щербатов, вовлекаемый в дискуссии середины или конца XIX в., неизменно лишался определенной части в содержании своих сочинений. Он критиковал петровские реформы с рационалистических позиций (реформы вызвали к жизни роскошь и моду), но молчал о приглашении Петром иноземцев, о лингвистических заимствованиях из-за границы, наконец, о потере «исконно русских» корней. Щербатов оценивает реформы Петра в краткосрочной перспективе довольно-таки позитивно, критикуется скорее их эффект в перспективе долгосрочной. Просвещение же и вовсе стоит вне щербатовской критики.

Можно предположить, что традиционные попытки разместить Щербатова на характерной для XIX в. политической оси где-то в спектре правоконсервативной (почвеннической? реакционной?) общественной мысли нуждаются в корректировке, равно как и простая констатация элементов либерализма в воззрениях Щербатова. По нашему мнению, Щербатов и не мыслил категориями, характерными для позднейших общественно-политических баталий; его утопизм — дитя Просвещения.

Щербатов предстает перед нами как автор целой утопической системы (последовательный государственный, впрочем, и не мог бы мыслить иначе, нежели сис-

темно), в своем сочинении разворачивающий программу преобразований: детально выписанные реформы в области суда, управления, образования, а также предугаданные Щербатовым «военные поселения» (здесь следует помнить общую для просветителей XVIII в. нелюбовь к наемной или рекрутской армии) — все это позволяет говорить о щербатовской п р о г н о с т и к е .

Ценность сочинения Щербатова в том, что оно является итогом вдумчивого анализа и рассуждения, потребовавших значительных предварительных трудов: установление координат Офирии, подготовка топонимов-«бумажников», обоснование губернского деления, детальная разработка офирского судебного устройства, государственного управления, офирских религии и образования; сюда же отнесем и проект переноса столицы из Перегаба-Петербурга в Квамо-Москву. Социально-политические соображения автора, предстающие в утопии как бы воплощенными, могут расцениваться как «продолжение» его программы иными (художественными) средствами; как писал в начале XX в. видный российский консерватор С. Ф. Шарапов по поводу утопического романа, «если программа верна, то в романе чепухи не получится» [Шарапов, 1902, 3]. Но значение утопии простирается за границы простого иллюстрирования социально-политических моделей: топонимика, география, лингвистика, эстетика утопического пространства, как они были задуманы их создателем, — все это расширяет набор приемов исследования скрытых в утопии идей. Таким образом, чем утопия детальней (при том условии, что детализация происходит не за счет искренности, не противоречит принципу Оккама, гласящему, что «сущности не должны быть умножаемы сверх меры», и не превращается в фантазию ради фантазии), тем больше ее значение для исследователя. Щербатовская Офирия — не только высказанное в художественной форме суждение относительно идеального государства, рикошетом бьющее по устройству современной ему России, но и тщательно сконструированная модель, функционирующая в реалистических обстоятельствах. Чаения Щербатова — не только «благопожелания» разочарованного окружающей действительностью аристократа, но и плод тщательного, вдумчивого анализа современного автору положения дел в России, и не только в ней.

Идеи Щербатова могут выглядеть консервативными, но опираются на «философский и чувственный комплекс» р а ц и о н а л и з м а . Например, существование аристократии объясняется рационально (когда-то возникшее неравенство искусственно закрепляется воспитанием). «Повреждение нравов» — вовсе не повреждение «духовности», но вполне рационально объяснимое, понятное зло: вместе с Просвещением пришла роскошь, за ней — мода; все это влечет за собой «повреждение» в самом буквальном смысле — расточительство, а уже от потребности в деньгах проистекают обычные пороки. Пороки не сопряжены напрямую с характером Просвещения, которое Щербатов однозначно трактует как б л а г о , точнее, это утверждение для него является аксиомой: следствием расточительного и роскошного образа жизни является не духовное падение, но вполне обычное, бытовое. Выстраивается удивительная, труднопредставимая для общественно-политических баталий XIX в. связь: б ы т о в о й р а з в р а т (от пьянства до пре-

любодеяния, ведущих к истощению физических сил) равен политическим злоумышлениям (против Бога, против власти и, следовательно, общего блага), тирании (тиран обязательно развратен и насаждает разврат), безверию и одновременно суеверию. Просвещение не могло полемизировать ни с чем, кроме самих человеческих пороков. Но уже пятьдесят лет спустя все эти понятия будут строжайше различаться разными течениями общественной мысли — возникнет иерархия пороков вроде свойственного для позднейшего почвенничества учения о сочетании в «русской душе» одновременно и широты, и подлости.

Утопия М. М. Щербатова действительно выражает некоторые из характерных черт консервативного «стиля мышления», которые столь точно и глубоко подметил К. Манхейм [1994]. Однако эти характерные черты становятся таковыми, если они осознаны в контрасте с предшествующими идеями рационализма просветительского толка.

Симптоматично, что в герценовском издании с опусом Щербатова соседствует не лишенный элементов социального утопизма роман очередного видного представителя отечественной общественной мысли. Заглавие этого романа, подобно щербатовской утопии, также начинается с волнующего воображение слова «путешествие», но не в вымышленную благословенную Офирию, а из конкретного реального пункта в другой, не менее реальный, — из Петербурга в Москву. И, наверное, некий смысл заключен в том, что А. Н. Радищев попытался донести свой роман до читателя всего через год после начала Французской революции — по печальной иронии судьбы в том самом году, когда завершился земной путь князя М. М. Щербатова, так и не нашедшего в этой жизни воплощения своим идеалам...

Бугров Д. В. «Надежда» в Антарктиде: загадки Офирской утопии князя М. М. Щербатова // Изв. Урал. гос. ун-та. 2006. № 47. Сер. 2, Гуманитар. науки. Вып. 12. С. 275—291.

Вагеманс Е. К истории русской политической мысли: М. М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» // Рус. лит. 1989. № 4. С. 107—119.

Вдовина Л. Н. Об истоках русского либерализма в XVIII в. // Европ. либерализм в новое время. М., 1995. С. 136—144.

Геллер Л., Нике М. Утопия в России / Пер. с фр. И. В. Булатовского. СПб., 2003.

Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А. и др. Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика. М., 2000.

Дьяконов М. А. Выдающийся русский публицист XVIII в. // Вести. права. 1904. № 7.

Ешевский С. В. О повреждении нравов в России: Неизд. соч. кн. Щербатова // Атеней. 1858. № 3.

Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России XI—XX вв. М., 1995.

История Европы: В 8 т. Т. 4. Европа Нового времени (XVII—XVIII века). М., 1994.

Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912.

Левшин В. А. Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве (фрагмент) // Взгляд сквозь столетия. М., 1977. С. 71—90.

Лотман Ю. М. О русской литературе: Ст. и исслед. (1958—1993): История рус. прозы, теория лит. СПб., 2005.

- Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции рус. дворянства (XVIII — начало XIX века). 2-е изд., доп. СПб., 2006.
- Любомиров Г.* Князь Щербатов и его сочинения // Щербатов М. М. Неизд. соч. М., 1935.
- Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994.
- Миллюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 3. Национализм и европеизм. М., 1995.
- Монтескье Ш.-Л.* О духе законов // Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. М., 1956.
- Мякотин В. А.* Русский социальный роман XVIII в. // Мякотин В. А. Из истории рус. о-ва. 2-е изд. СПб., 1906.
- Немцев И. А.* Славянофильство в истории российского консерватизма XVIII — начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1998.
- «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева: Факсимил. изд. / Под ред. М. В. Нечкиной, Е. Л. Рудницкой. М., 1983.
- Панкратова С. И.* Социальная утопия М. М. Щербатова: Дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1997.
- Пытин А. Н.* Полузабытый писатель XVIII века // Вести. Европы. 1896. № 11.
- Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева: Зап. кн. Е. Р. Дашковой: Репринт. изд. М., 1990.
- Русская литература XI—XVIII вв. / Сост. Л. А. Дмитриев, Н. Д. Кочеткова. М., 1988.
- Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения: Кругл. стол // Отеч. история. 2001. № 3. С. 103—133.
- Святловский В. В.* Русский утопический роман. Пг., 1922.
- Федосов И. А.* Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М. М. Щербатов. М., 1967.
- Федосов И. А.* Социально-политические взгляды М. М. Щербатова // Докл. и сообщ. ист. ф-та МГУ. М., 1946.
- Харитонов Е. В.* Русское поле утопий: (Россия в зеркале утопий) // Фантастика-2002. Вып. 2. М., 2002. С. 417—477.
- Чечулин Н. Д.* Русский социальный роман XVIII в. («Путешествие в землю Офирскую...» Щербатова) // Журн. Мин-ва народ. просвещения. 1900. № 1, отд. 2. С. 115—166.
- Шарапов С. Ф.* Через полвека // Соч. Сергея Шарапова. Т. 8. М., 1902.
- Штена В. В.* RUтопия. Екатеринбург, 2004.
- Щербатов М. М.* Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкаго дворянина // Щербатов М. М. Соч. Т. 1. СПб., 1896. С. 749—1060.
- Щербатов М. М.* Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкаго дворянина // Взгляд сквозь столетия: (Рус. фантастика XVIII и первой половины XIX в.). М., 1977. С. 22—68.
- Щербатов М. М.* Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкаго дворянина // Рус. лит. утопия / Сост. В. П. Шестаков. М., 1986. С. 37—79.
- Щербатов М. М.* Неизданные сочинения. М., 1935.

Статья поступила в редакцию 14.02.2007.